

Идеи патроната были известны и крестьянам. На эти идеи ссылаются волхвы — руководители восстания 1071 года: „Нама стати пред Свято-славомъ, а ты не можешти створити ничтоже“.¹ На эти же идеи с затаенным лукавством ссылалась и Югра, когда обращалась к новгородцам с просьбой: „А не губите своих смерд и своей дани“.² В этих словах Югры ясно чувствуется понимание выгоды патроната именно для феодалов: если не блюсти смерд — погубится дань.

Собирая на свои земли крестьян, князья и крупные феодалы стремились изобразить себя защитниками крестьян, защитниками „вдов“ и „сирот“. Под этими „сиротами“ — термином первоначально библейским — очень часто разумелись в древней Руси именно крестьяне. Русская Правда называет работу по найму „сиротьей“;³ „сиротами“ же часто называют крестьян и летописи.⁴

Именно в этот раннефеодальный период вырабатывались уже некоторые элементы тех „даристских иллюзий“, которые станут так характерны для крестьянства в более позднее время. Киевляне жалуются князю на его тиунов под 1146 годом: „аще кому нас будеть обида, то ты прави“.⁵

Феодальная эксплуатация усиливалась и шла от тиунов — по крайней мере так казалось людям. Князья, например Михаил Черниговский, обещали соблюдать порядок, который был при „передних князех“, т. е. встарину.

Летописец, желая подчеркнуть положительные черты своего князя, в той или иной степени стремился ввести в его характеристику идеи патроната. Он делает это не из любви к смердам, убогим, нищим, а потому, что в интересах самих феодалов было изображать себя защитниками народа, его покровителями и „кормителями“. По смерти князя Юрия Всеволодовича, по словам летописца, „убогии“ плакали по нем, как по своему „кормителе“.⁶ Провожая князя Константина Всеволодовича в Новгород, народ плачет, называя его „отцом сирых и кормителем“, „печальных утешением великим“ и т. д.⁷ Характерно, что именно этот мотив в литературе XI—XIII веков имел огромное значение в обрисовке образа идеального князя.⁸

Идеология феодального класса служила делу защиты и укрепления феодального базиса, феодальной собственности на землю как основы феодализма. До той поры, пока феодальные производственные отношения не стали тормозом в развитии производительных сил, литература передовых слоев феодального класса была прогрессивной, отдельные представители этой литературы обращались к народному творчеству, часть их идей была идеями, в какой-то мере объективно отвечавшими интересам народа.

Вплоть до конца княжения Владимира Мономаха русская литература, светская и даже церковная, широко обращается к сюжетам народного творчества. Древнейшая русская летопись, как хорошо известно, обильно пользуется в качестве исторических источников народными преданиями,

Повесть временных лет, т. 1, стр. 118.

Новгородская первая летопись... под 1193 г., стр. 40.

„О сиротьем вырядке“. Статья 25 Краткой Правды: Правда Русская, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 169—170.

¹ О слове „сироти“ в значении „зависимые крестьяне“ см.: В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 1, ч. 2. СПб., 1890, стр. 273—274.

² Ипатьевская летопись, под 1146 г., стр. 229.

³ Лаврентьевская летопись, под 1238 г., стр. 468.

⁴ Там же, под 1206 г., стр. 422.

⁵ См. выше, стр. 20 и сл.